НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

ЛАСТОЧКА

МАРИМБА!

МОЙ ЧЕЛОВЕК

НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ

ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ

ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ

УЧИЛКА

ФЕЕЧКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ ТЕРЕНТЬЕВА

ФЕЕЧКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Все события и персонажи этого романа вымышлены, любые совпадения случайны

Иллюстрация на переплете — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия.
Т35 Феечка / Наталия Терентьева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Золотые небеса).

ISBN 978-5-17-111166-3

...В этом взгляде было все. И любовь, и жалость, и нежность, и еще что-то, чему нет слов, потому что это больше слов. Наверное, это то чувство, которое даже не вмещается в слово «любовь».

Ты умная и красивая, молодая и полная сил, энергии, желания изменить мир к лучшему, и тот, кого ты любишь, знает, как это сделать. Ведь это означает, что он создан для тебя, а ты для него? И не важно, что ты не одна его любишь. И не так важно, что совсем недавно он был женат. Но теперь он свободен и одинок. Рядом с ним — пустое место. И это место возможно — твое...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111166-3

© Н. Терентьева, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

Марина Цветаева

Вокруг меня — огромное небо. И чужой город. Город, в который стремятся, едут, сбегают, город, в котором пропадают и оседают, находят счастье и разочаровываются. Город, в котором живут, маются, радуются, страдают тридцать миллионов человек, это ведь одна пятая всех жителей России. Тридцать миллионов близко-близко, кучно-кучно, и врозь, каждый со своими страхами, надеждами, планами, сомнениями, бедами и радостями.

Я об этом думаю каждый день, когда иду от общежития к университету. Бегом — двенадцать минут, на троллейбусе — почти столько же. Нормальным шагом, с размышлениями и прогулкой — двадцать. Я часто прихожу самая первая и смотрю, как прибегают другие, как спешит преподаватель и влетают опоздавшие. Мне не доставляет особого удовольствия приходить раньше всех и сидеть в пустой аудитории, просто я прихожу всегда вовремя и иначе не могу.

То, что москвичи — другие, я знала. Но не знала, что настолько другие. И еще не предполагала, что у них столько мифов о жителях Санкт-Петербурга, то есть

и обо мне, в частности. Мы заносчивые, мы кичливые, мы рафинированные... Откуда появляются эти слухи? Мы разные, так же как и москвичи.

На курсе из Питера я одна. Есть девочки из Сибири, с Урала, из Краснодарского края, есть даже с Дальнего Востока. Есть две девочки из Прибалтики. И есть мальчики, их трое. Иногда мне кажется, что лучше бы их не было. Может быть, мы тогда мечтали бы: «Вот были бы у нас мальчики, было бы веселее». А если бы мальчики были умные, было бы интереснее и веселее... А если еще и красивые... Хотя весело у нас и так, и с такими мальчиками.

— Ты по-прежнему делишь мир на мужчин и женщин? — спросил меня Рома сегодня утром, заходя в аудиторию. — Зачем ты опять пришла так рано? Спала бы. Или красилась. Я вот прядку покрасил. Красиво? А зачем заранее приходить?

Я пожала плечами. Конечно, это глупость, особенно здесь, в Москве, где понятия «вовремя» как будто не существует. Опаздывают все — студенты, преподаватели, охранники, поезда, автобусы, повар в кафе не успевает вскипятить воду к нашему десятиминутному перерыву, охранник — открыть дверь к тому времени, когда я прихожу первая и стою, жду, когда мне откроют двери гуманитарного корпуса Московского университета, о котором я так мечтала.

И вот — я здесь, в безалаберной, шумной, веселой и страшной Москве. В городе, где ломаются мечты, осуществляются мечты, искажаются мечты. И рождаются мифы, живущие потом веками.

— У тебя есть пудра? — вслед за Ромой подошел ко мне Антонс, он же просто Антон, мальчик из малень-

кого латышского городка, который, так же как другие прибалты, поступил на наш факультет без конкурса, потому что он иностранец.

Иностранцев надо учить бесплатно, чтобы они возвращались к себе, наполненные глубокими знаниями о нашей стране и правильными мыслями.

Антон вряд ли догадывается, зачем его здесь учат бесплатно. Тщательнейшим образом изучая свое лицо, он каждый день переживает вновь и вновь то, что без моей пудры он похож на жабу с пупырышками. Так я ему сказала, когда в один из первых сентябрьских дней он пришел к нам в комнату за сахаром, сел на мою кровать, потом лег, потом стал хватать меня за ноги, за руки, за попу. Он ужасно обиделся за «жабу», два дня меня не замечал, а потом попросил пудру. Почему именно у меня — не знаю. Почему он не купил ее сам — догадываюсь. Он беден, так же как большинство наших студентов, особенно тех, кто учится на бюджете, иностранцы — не исключение. Мне Антонс как мужчина не нравится совсем, но пудру я ему дала, и постепенно мы даже подружились, поскольку за ноги и прочее он меня больше хватать не решается.

Третий мальчик, Боря, такой странный и зацикленный на себе, что на него не делают ставки те девочки, которые заочно поделили между собой всех китайцев нашего «гума» — корпуса гуманитарных факультетов. А китайцев здесь так много, что хватит на всех невест-филологов и еще останется. Мы — не филологи. Мы — будущие работники ноосферы. Ноосфера — это область всей интеллектуальной деятельности, в основном, конечно, культуры. Именно поэтому я здесь — потому что в родном Питере нет такого факультета.

Точнее есть, но не совсем такой. На нашем факультете учат многому, но ничему конкретному, хотя все до единого верят, что однажды они будут работать в каком-то очень интересном месте, там, где рождается культура. По крайней мере, я так думаю. Потому что я в свободное время обычно или читаю, или думаю.

Мне немножко мешают жить две вещи: ум и красота. Я свой ум чувствую, а красоты не вижу и не ощущаю, напротив, кажусь себе дурнушкой. Но я часто о ней слышу. Это ведь миф — о том, как легко и хорошо красивым и умным. Нет. Ум отягощает и отделяет от других. Красота тоже крайне обременительна. Девочки часто относятся ко мне с осторожностью и недоверием. И я их понимаю, потому что это несправедливо, как многое в нашей жизни на Земле.

Мальчики моего ума боятся — те, кто в состоянии понять, что я умная. Но все равно я им нравлюсь, особенно когда молчу. Возраст этих мальчиков, которые намекают, приглашают, подлавливают, в общем — привязываются, очень разный — от раннего пубертатного до сильно пожилого возраста.

Поэтому я придумала себе неожиданный и удобный способ. Во-первых, я представляюсь как Тузик. Не важно, что на самом деле меня зовут просто Надя. Каждый старается придумать что-то еще более смешное и несообразное, чем эта кличка. Тузя, Тузька, Тузяма... Как только меня не зовут. И второе. Я стараюсь к месту и не к месту говорить, что я дурнушка и дура. Тузик, одним словом. Страшная, неталантливая, несмешная, несообразительная, неумелая... Что у меня слишком толстая попа, слишком быстро растут волосы — по всему телу, и я их брею каждое утро, кроме

головы, на голову времени не остается, поэтому у меня такие длинные и пышные волосы, что на глазах у меня линзы, поэтому глаза такие ярко-синие. Ведь таких глаз в природе не бывает. Что мама сделала мне пластическую операцию, потому что я была такой страшненькой, что меня не брали в школу — дети плакали при виде меня.

Кто-то поначалу удивленно приглядывается, кто-то спрашивает: «Что, специально прибедняешься?» Но я стою на своем. И люди выдыхают, верят. И я никогда не рассказываю и не кичусь, что я в классе была первая, и слух у меня музыкальный отличный, и мне все вообще легко дается. Я легко пишу, легко запоминаю, с легкостью считаю в уме, хотя я гуманитарий чистой воды. Нет, я этого ничего не говорю.

Я из обычной хорошей семьи, где есть мама и бабушка, когда-то был папа — был и сплыл, как выражается моя мама. Бабушка, в прошлом учитель русского и литературы, выражается крепче. Но я с бабушкой спорю, всегда, с малых лет. Люблю ее и — спорю. И она меня любит. И тоже со мной спорит. Потому что я делаю все по-своему. Выбираю других писателей, которых она отрицает, друзей, которые ей не нравятся. Я люблю Горького и Некрасова, а бабушка — Бунина и Куприна. Бабушка называет меня «девочка-атавизм», а я ее — «бабушка-пропеллер». Иногда мы спорим об одном и том же по две недели. Просыпаемся утром — и все начинается снова. Это довольно тяжело, особенно для моей мамы, которая мечется меж двух огней.

Мама — оперирующий врач-хирург, и ей дома нужен покой, а не взрывы и огни, между которыми она

вынуждена метаться. Бабушка этого не понимает, она привыкла драться до конца.

Бабушка родила маму в восемнадцать с половиной лет, мама родила меня в девятнадцать с половиной лет. Теперь, следуя этому алгоритму, я должна родить бабушке правнука в двадцать с половиной лет, чтобы она наконец успокоилась и перестала вести со мной бои. Сейчас мне почти девятнадцать. У меня осталось совсем немного, чтобы найти отца для бабушкиного правнука и продолжить традицию.

Мальчики с курса отпали в первую же неделю. Они не годны даже как биологический материал для получения потомства. Я понимаю, что каждый из них личность, человек, у них тоже есть душа, а также любящие мама и бабушка, и они бы очень обиделись, если бы услышали мои рассуждения. Нет, людей-то я в них как раз вижу, даже в том крайне странном виде, в котором они любят являться — в розовых распашонках с капюшончиками, в коротеньких обтягивающих штанишках, с голыми щиколотками, на которых сделаны татуировки с глубоким смыслом... В блестящих кроссовках, с сережками, с перекрашенными волосами, то собранными в хвостики, то выбритыми полосками. Людей-то вижу, но не вижу в них мужчин. Хотя наши мальчики вполне традиционной ориентации, по крайней мере, друг с другом не целуются и женихи их во дворе не встречают.

В нашем «гуме», который, как все сразу бросаются объяснять, всегда был корпусом невест, мальчиков мало. А те, которые есть, мало похожи на мужчин в массе своей. И дело даже не в капюшончиках, не в прическах и не в татушках. Были времена, когда мужчины носили кружева, напудренные парики и отращивали ногти под

длинный маникюр. А татуировки — как раз признак мужественности, правда не у нас, а у диких племен. Может быть, человечество на самом деле развивается по спирали. И никто сейчас не думает о том, что однажды мы все снова наденем шкуры, когда взорвем свою планету — не всю, но бóльшую ее часть. А те, кто останется, начнет все с начала... Я часто об этом думаю. Только мне поговорить об этом особенно не с кем. И было не с кем в школе, и теперь тоже не с кем.

Когда я ехала в Москву, в МГУ, главный вуз страны, я думала, что там все такие же, как я. Не в том смысле, что у них пронзительно синие глаза и светлые волосы до пояса — это все как раз антураж. А то, что там соберутся все, кто любит читать, думать, кого волнуют серьезные вопросы развития человечества. Я думала, что на наш факультет поступят люди, которые хотят заниматься историей и теорией науки и культуры и любят культуру. И что на остальных гуманитарных факультетах тоже учатся только те, кому интересна история, философия, литература... Но я очень сильно ошибалась.

На нашем курсе, кроме трех мальчиков, изнеженных, капризных, инфантильных, учатся еще тридцать восемь девочек. Семь — бесплатно, получая стипендию, как я, остальные платят за свое обучение. Иностранцы и «квота», то есть те, кто поступил на каких-то особых условиях, от иностранных государств или автономных республик России, — не в счет. Они тоже не платят, но они для этого ничего не сделали. Родились в другой стране или в семье руководителя какой-то области, республики.

Те из «платников», кто не добрал совсем чуть-чуть до бесплатного обучения, учатся хорошо. Сдали легко,

с первого раза, первую сессию, все зачеты и экзамены. И в семестре ходили на занятия, делали творческие задания, которыми нас просто завалили по всем предметам, обычным и удивительным, придуманным, видимо для нашего факультета. Говорят, точнее, не говорят, а шепчутся, что наш факультет образован по прямому распоряжению то ли президента, то ли министра культуры... И что именно кто-то из нас в свое время станет если не новым министром культуры, то руководителем каналов на телевидении, директором телерадиовещания или, на худой конец, Третьяковской галереи... и так далее. Но что из этого слухи, основанные хоть на чем-то реальном, а что лишь глупые домыслы и фантазии, — я не знаю.

Я просто вижу, что часть из тех, кто учится на родительские деньги, учиться здесь не должны. Кому ничего не интересно, кто на лекциях спит — в лучшем случае в поточной аудитории, а так — где-то в другом месте. Кто все творческие задания воспринимает в штыки, а задания и семинары по академическим дисциплинам считает личным горем.

— Ну, бли-и-и-ин, зачем нам история... — начинают ныть с утра девочки. — Зачем нам русский... Я и так хорошо говорю... Зачем нам литература... Зачем нам география... Я это никогда не запомню... Никель... Зачем мне знать, где добывают никель... Зачем это тупое искусствоведение... Кому это старье нужно... Прерафаэлиты... Это выговорить невозможно... Зачем нам философия... Они все устарели... эти ницши...

— А зачем ты сюда поступила? — как-то не выдержала я и задралась к активной блогерше, Насте Рычкиной, крупной, высокой девушке, с больши-

ми губами, большими зубами, большими глазами, большими ушами, большими руками, которая всегда громче всех говорит, задает много вопросов, суть которых — зачем нам весь этот бред, написанный, придуманный, нарисованный, построенный задолго до того как Настя открыла глаза, взяла телефон, направила его камеру на себя и сказала: «Приве-е-е-ет, друзья! Вот и я. Простите, что так долго не снимала сюжет. Я обещала рассказать вам о том, какие фильмы надо смотреть...»

— Ну, бли-и-и-ин, ты вообще место москвичей заняла, молчи лучше, — стала заводиться Настя. — Зачем тебе было из Питера сюда переться? У вас там и так всё есть... Сидела бы там у себя на болоте... У вас там все такие отстойные, как ты? Бли-и-и-ин... Заставляют слушать какую-то муть... Зачем мне знать, о чем там думал какой-то Шопингаур, если он вообще всё не то думал... Бессвязная муть... тупизна...

Кто-то поддержал Настю, и я больше не стала спорить. Какой смысл доказывать Насте, что на самом деле стоит прочитать и Шопенгауэра, и Ницше, и Руссо, прежде чем рассуждать, какие фильмы надо смотреть, а какие не надо, прежде чем кого-то учить. Да, да, Настя именно этим занимается — записывает блоги с рекомендациями, о каких драконах стоит читать, о каких нет, какую эротику и боевики в первую очередь смотреть, это вовсе не означает, что она все это посмотрела и прочитала сама. Ведь чтобы что-то рекомендовать, главное — красиво накрасить ногти, постричь по моде волосы, купить эти книжки, сложить стопочкой и показывать, говоря, что — «полный отстой», а что — «блин, круто». Суть не в книжках и фильмах, о кото-

рых говорит Настя в своих блогах, — суть в том, чтобы смотрели на Настю.

За Настю заступились, но у наших москвичей на самом деле нет никакой общности и сплоченности. Наоборот, они каждый за себя. И понятно, что я не заняла чье-то место, я приехала на свое место, которое именно здесь. Потому что мне очень нравится учиться. Мне нравятся и предметы, и преподаватели, и декан — энергичный, талантливый, неординарный человек, который работает и на телевидении, и в театре, и в кино, и на радио, и пишет книги, и даже принимает участие в общественных движениях, находит время. Мне нравятся его идеи и он сам. Наверное, будь бы он моложе, я бы в него влюбилась. Но в человека, в три с половиной раза старше меня, влюбиться трудно. Хотя у нас есть пара девочек, у которых совсем взрослые поклонники (или любовники — сказать трудно). Но они за ними приезжают или присылают машины. Некоторые им завидуют, а я испытываю странное чувство — любопытства и брезгливости одновременно.

Трудно быть не такой, как многие. Не как все, нет, потому что все очень разные. Я знаю, что со мной общаться трудно, оттого что я правильная, умная и красивая. Чудовищное сочетание. Если это произносишь вслух, то это звучит как приговор. «Вас ожидает девяносто лет одиночества». С чего, кстати, я решила, что у меня есть эти качества? Может быть, это мой собственный миф? Человечество анализирует происходящее и придумывает себе мифы. И дальше сообразно этим мифам живет. У отдельного человека все происходит точно так же.

— Тузя, на встречу с журналистами пойдешь? — подошедшая сзади Ульяна слегка стукнула меня по плечу.

Я обернулась. Я бы дружила с Ульяной, если бы не ее острый язык. У меня у самой острый язык. Вдвоем нам тяжело. В один из первых сентябрьских дней на лекции я оказалась рядом с красивой темноволосой девушкой. Мне показалось, что она чуть старше меня. В короткий перерыв девушка спросила меня, чуть прищурясь: «Пойдешь курить?» — «Я не курю». — «Я тоже, — засмеялась она. — Я Ульяна».

— На какую встречу? На следующей неделе творческий проект надо сдать. Я еще только половину сделала.

— Монахов и Андреев приедут. Знаешь их?

У меня мгновенно замерло сердце. Не то слово — знаю...

— Андреев?..

Ульяна, умная, слишком умная, чтобы быть моей подругой, тут же заметила мою реакцию.

— Ага, знаешь! Пойдем тогда! А то из наших никто идти не хочет!..

Я медленно кивнула. Я бы, конечно, предпочла без Ульяны идти... Неизвестно, как она будет там себя вести на встрече, какие вопросы задавать или реплики отпускать, у нее язык без костей, и она в себе слишком уверена, как и многие москвичи... Не случайно наш декан зовет их «московскими пижонами». Сам москвич, а москвичей-студентов терпеть не может, потому что они с гонором, нагловаты в массе своей, опаздывают, приходят на лекции и семинары посреди пары, с первыми холодами надели такие шубы, что моей маме надо удалить аппендициты и желчные пузыри половине пи-